

Независимая газ. - 1993. - 27 марта. -

«ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТ»

по материалам прессы 1922 года

Ольга Пинижина

Архив

Сегодня состоится вечер памяти Е. Вахтангова в ЦАРИ.

ПОСЛЕ премьеры «Принцессы Турандот» Вахтангов жил три месяца. Вот тут его пощадила судьба. И дело не в том, что он узнал «послевкусие» этого спектакля: и успех, и хулу критики. Судьба дала ему эти дни словно в противовес рано угаснувшей жизни: он прожил 39 лет — и три месяца, — как краткий эпилог от премьерной «Турандот» до 29 мая 1922 г. Кажется, что в этом спектакле зашифрован весь непрожитый им земной срок — зрелости, мудрости. Кажется, что Вахтангов ушел, разгадав некую тайну и оставив ключ к ее разгадке в «Принцессе Турандот».

Качалов, вернувшись после долгих гастролей, писал: «Я — в России. Я — в Москве. Я — в Камергерском... Я — на «Турандоте»! Какой вы замечательный режиссер, Вахтангов! Всей моей душой верю, что этот «кубок пенный» — вы не расплечете, вы пронесете «сквозь кровь, сквозь муки и гроба».

Вот про «муки и гроба» — это попало в точку, поскольку заметка появилась 29 мая, в последний день жизни Евгения Вахтангова, в который — еще одно совпадение — игралась и пятидесятая «Принцесса Турандот». Вспоминая это юбилейное представление, Борис Пильняк писал: «Чеховская чайка уплыла, ее заменила «Ту-ран-д-от». Тогда вышли актеры, из которых никому не было больше 28 лет, и стали представляться — и ни одного имени мне не было известно... Вся пьеса ставилась по принципу «наоборот»: при публике одеваться нельзя? — наоборот, где надо говорить патетически — наоборот. Игрались, в сущности, те места, кои драматурги ставят в скобках, — молодость, крепкость, радость. Пушкину никогда не было старше двадцати восьми лет. И вот я увидел тогда на «Турандот» — это пушкинство — молодость, крепкость, радость, никак не старше 28 лет. А в этом «наоборот» я приметил современность подлинную, ибо ведь все в России сейчас «наоборот...» («Театр», № 2). В этом воспоминании особенно ценно одно наблюдение: в турандотовском «наоборот» ав-

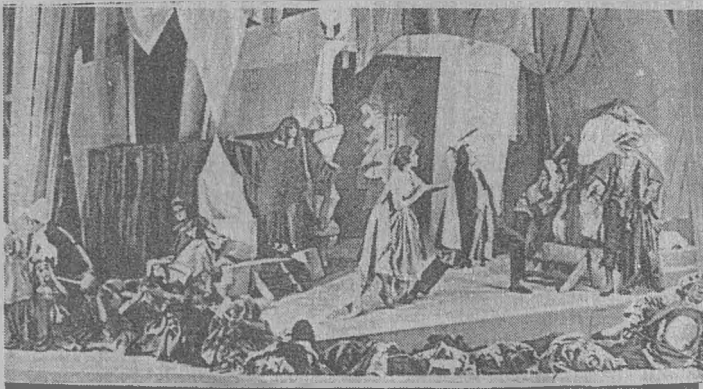
тор видит подлинную современность. По расхожей легенде, голодной и холодной Москве Вахтангов противопоставил подлинную праздничность и радость. Но происходило это не от ликующей веры в будущее, а совсем от обратного: Вахтангов, несомненно, понимал, что голод и холод только начинаются на этой земле, они заползут в сердце, будут подтачивать его, разрушать жизнь. Так живите с отчаянием, но находите упоение и в последней улыбке, со всей полнотой переживая каждый миг своего земного времени.

Был у Вахтангова этот самообман — неверие в свой скорый уход. Вот анонс предстоящей премьеры: «Генеральная репетиция «Принцес-

фантазмагии движений, — и тогда любовь взлетает над смертью, а смерть подсекает красоту. Но остается судьба, которую — не победить. А потому, «посмотрев «Турандот» я верю растаявшему снегу, прилету птиц и грядущей весне, ибо она уже началась на Арбате, в особняке Берга» (С. Дрид. «Театр и музыка», № 8).

Сегодня наступило время третьей «Турандот». Но разве спектакли, которые рождались «сквозь муки и гроба», так же легко сменяют друг друга, как неизбежно наступает весна?

«Кто сказал, что у спектакля может быть юбилейная дата, что у спектакля есть данность, календарь и летоисчисление? Нет, спектакль, если он спек-

Сцена спектакля (1922 г.): Турандот раскрывает имя Калафа

сы Турандот» перенесена на 28 февраля. ...Пролог к «Принцессе Турандот» на первых генеральных репетициях читает Е. Б. Вахтангов» («Экран», № 22, 27—28 февраля 1922 г.).

Однако после ночного прогона 27 февраля в привычное предрабочее утро Вахтангов покинул особняк Берга, не зная, что премьерные волнения он переживет уже не в театре, что последнего своего спектакля на публике так и не увидит. А пролог прочтет Завадский. «...Пушкинское желание видеть молодую жизнь, играющую у гробового входа, Вахтангов и воплотил в своей прекрасной работе над сказкой Гоцци» (Н. Волков).

Понятия «судьба», «смерть» часты в этом «легкомысленном» спектакле. Самые замысловатые — и простейшие, которые в ту пору занимали Вахтангова уже не только в философском плане. К ним добавляется «любовь» — для искрящейся смены красок, для того, чтобы дать волю своему дару иллюзиониста, перебрасывающему эти понятия в

такль, если он отдан театру и если он сам — театр, никогда не повторяется, живет один раз, рождается в первом акте и умирает в последнем. У спектакля только одно рождение и только одна смерть! И в свою неповторимую жизнь спектакль загорается страстями и сжигает эти страсти дотла, разбрасывает все искры своей жизнерадостности и последними силами борется со своей трагической судьбой. Спектакль мечтает о бессмертии, но всецело принадлежит смерти!» («Театр и музыка», 10 мая 1922 г. «Фантазия о неповторимом спектакле»).

В феврале Евгению Вахтангову исполнилось бы 110 лет. По телевидению показали вторую «Принцессу Турандот», в которой жива еще зажигаемость вахтанговских актеров, прошли вечера памяти, были юбилейные публикации. Но в день его рождения на обледеневшей плите Новодевичьего кладбища лежала только одна гвоздика...